

ИГОРЬ ТЕРЕХОВ

ПРАЗДНИК МЁРТВОЙ ЛИСТВЫ

КИНОНОВЕЛЛЫ

Игорь Терехов

**Праздник мёртвой
листвы. Киноновеллы**

«Издательские решения»

Терехов И.

Праздник мёртвой листвы. Киноновеллы / И. Терехов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906825-5

В новую книгу писателя и кинодраматурга Игоря Терехова включены несколько произведений для кино, написанных в разные годы. Представленные в сборнике произведения объединяет умение автора в острой, подчас жесткой форме рассматривать болезненные вопросы современности и недавнего прошлого нашей страны и представлять зрителю (читателю) увлекательную картину происходящего, не впадая ни в очернительство, ни в приукрашивание действительности. Все киноновеллы основаны на реальных событиях.

ISBN 978-5-44-906825-5

© Терехов И.
© Издательские решения

Содержание

ПРАЗДНИК МЁРТВОЙ ЛИСТВЫ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Праздник мёртвой листвы Киноновеллы

Игорь Терехов

© Игорь Терехов, 2018

ISBN 978-5-4490-6825-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРАЗДНИК МЁРТВОЙ ЛИСТВЫ

В стране шла перестройка. Со всех трибун звучали призывы к ускорению, гласности и демократизации. Людям казалось, что если навести порядок в экономике и сломить всевластие партийного аппарата, то появится свет в конце туннеля и жизнь советского общества войдет в русло ленинской утопии. Никто не подозревал, что карнавальная атмосфера этих лет вскоре завершится развалом первого в мире социалистического государства.

У входа в ресторан пьяный уговаривал швейцара:

– Батя, один флакон, и адью!

– Сказано: всё закрыто!

– Батя, ты человек или прапорщик?

– Сейчас как дам – узнаешь, где правда.

– А ты агрессор, батя. Блок НАТО!

– Глаза бы мои вас не видели, пьянь распутную, – швейцар сделал попытку закрыть дверь, но вставленная в дверной проём нога помешала ему.

Швейцар со всей силой надавил на дверь. Пьяница неожиданно ловко воспротивился.

– Пусти, гад! Милицию крикну.

– Ладно, батя, вот тебе «чирик», организуй пойло.

– Пусти дверь.

– Прибавляю червонец. У нас в Алма-Ате за такие бабки еще приятного аппетита желают.

– Вот и ехай в свою Алма-Ата, чурка, – покрасневшийся швейцар продолжал давить на дверь.

– Сам чурка! – Обиделся пьяный и отпустил дверь.

Швейцар от неожиданности ударился лбом в толстое стекло. Пьяный гражданин махнул рукой и поплелся восвояси.

В актовом зале готовилась группа захвата. Оперативники надевали легкие бронежилеты, проверяли оружие, согласовывали переговорные устройства и позывные.

Старшие групп, склонившись над огромной картой-схемой, в последний раз обговаривали маршруты движения и пути подхода к объекту.

– Ты с нами, командир? – Спросил у Сергея лысый оперативник.

– Нет, в машине управления, с Павликом. – Сергей посмотрел по сторонам, ища Павлика, и, обнаружив его на скамье у стены, жестом показал, что пора.

Павлик моментально вскочил, поправил кобуру под мышкой и застегнул молнию на куртке чуть ли не до ушей.

– Начнете по моему сигналу, – сказал Сергей командирам групп.

– Естественно, – отозвался за всех лысый.

Сергей расстегнул молнию у подошедшего Павлика и поправил на нем куртку, после чего тот приобрел вполне пижонистый вид, и только после этого сказал всем:

– Оружие применять только в крайнем случае. Желаю успеха и счастья в личной жизни!

– К черту! – Ответил за всех лысый.

Сергей сделал рукой знак «рот фронта» и подтолкнул Павлика к выходу.

Они спустились по лестнице, прошли серым коридором и оказались перед прапорщиком на вахте. Сергей кивнул ему, тот нажал невидимую кнопку, и входная дверь отворилась.

Они перешли во внутренний двор. Там стояли несколько микроавтобусов, черных «Волг» и разномастных «Жигулей».

Они пересекли двор и вошли в другое здание. Прошли освещенным коридором, увешанным фотографиями передовиков производства, графическими гимнами перестройке и объявлениями местного комитета.

Выйдя на оживленную ночную улицу, Павлик невольно бросил взгляд на вывеску у входа. На ней значилось нечто вроде «Крайагропромснабсбыт».

Сергей же распахнул у припаркованных к тротуару «Жигулей» дверцу со стороны водителя, а сам обошел машину и уселся в пассажирское кресло рядом.

Машина мчалась по ночному городу. За окнами мелькали деревья, памятники Ленину, газетные киоски, дома, краны в порту, девушки на остановках.

– Как артериальное давление? – Спросил Сергей у Павлика, сидевшего за рулем.

– Как у космонавта, Сергей Георгиевич.

– При старте?

– Нет. При получении путевки в Крым.

– Это хорошо. В нашем деле, как ты понимаешь, по-всякому бывает. Наблюдай за мной.

Если что, знак подам.

– Тайный знак Зорро?

– Нет, наш обычный. Франкмасонский.

– Схвачено, командир.

Тем временем бойцы группы захвата рассаживались в микроавтобусы.

Когда Павлик вырулил на площадь перед рестораном «Кавказ», Сергей показал ему, где поставить машину – под деревьями, подальше от света.

После того как «Жигули» замерли, Сергей взял с заднего сидения бинокль ночного видения и направил его на вход в ресторан. Перед рестораном остановилась «Волга», из нее вышли двое представительных мужчин, поднялись на крыльцо.

Тотчас перед ними услужливо распахнулись двери. Швейцар от усердия даже снял фуражку.

В машине у Сергея засигналило переговорное устройство.

– 17-й на связи, – сказал Сергей.

– Объекты в здании, – сообщил голос.

– Видел.

– Добавка. Справа от тебя желтая «шестерка», номерной знак 85—91. С боевиками. Полный комплект.

Сергей повел биноклем:

– Одна машина?

– Вторая, красная «девятка», патрулирует квартал. Тоже четверо.

– Понял. Всем готовность!

Сергей взял микрофон:

– 30-й! Изменения в программе! «Алмаз» и «Мурат» берут «девятку». Дай им координаты и картинку.

Когда пьяный гражданин снова постучался в двери ресторана «Кавказ», из-за занавески выглянул разгневанный швейцар.

– Батя, отворяй ворота! Гулять будем до утра!

Швейцар исчез.

– А я говорю: отворяй, халдей! – Пьяный постучал в стекло с силой, явно угрожающей его целостности.

В окошке снова появился злой швейцар,

– Открывай, жопа, а то в пух разнесу твою конуру! – Бушевал пьяный.

Швейцар распахнул дверь, но не успел произнести ни слова.

На площадь выскочили «Жигули» и мощный военный грузовик с погашенными фарами. Грузовик с ходу врезался в стоящую неподалеку желтую «шестерку». И сразу из «Жигулей» и фургона грузовика выскочили люди. Они по двое бросились к дверцам «шестерки», распахнули их и выдернули пассажиров. Связали им руки и поставили «буквой зю» вокруг побитого автомобиля.

Наблюдавший все это швейцар подался было назад, но пьяный неожиданно ловко свалил его подсечкой и защелкнул на руке наручники.

– Не будь дураком, батя, – совершенно трезво проговорил он и втолкнул швейцара внутрь помещения.

А в ресторан уже вбежали вооруженные люди в штатском.

Сергей с Павликом вышли из машины, когда группа захвата уже выполнила свою задачу.

У входа в ресторан стояли два сотрудника с автоматами наизготовку, а на площадь съезжались оперативные машины.

– Чего ты возишься с этим старым козлом? – Бросил на ходу Сергей сотруднику, изображавшему пьяного, который все еще держал швейцара.

– Привык к нему. Как к отцу родному. – Со смехом ответил тот и, пристегнув «цербера» наручниками к батарее, бросился вслед за Сергеем и Павликом по лестнице.

В обеденном зале ресторана задержанных обыскивали и разводили по сторонам.

Десяток гостей с поднятыми руками стояли лицом к стене. Обслуга под прицелом автоматов сидела на сцене в два ряда, спиной друг к другу.

На покрытых зелеными скатертями столах были разбросаны карты, фишки, деньги, горели свечи в старинных подсвечниках.

– Есть что-нибудь любопытное? – Спросил Сергей старшего группы захвата, знакомого нам лысого оперативника.

– Погляди, – тот протянул ему кейс.

Сергей открыл портфель: плотные пачки стодолларовых банкнот.

– Неплохо, – он защелкнул кейс и возвратил его лысому. – Что еще?

– Изъято оружие.

– Сколько?

– Четыре ствола. Не считая взятого у боевиков.

Сергей подошел к задержанным, все еще стоявшим с поднятыми руками.

– Опустите руки. Подсчет голосов закончен!

Прошел вдоль ряда, составленного из спин. Постучал по плечу высокого блондина, одетого в кожаную куртку и голубые джинсы. Тот повернулся, увидел Сергея, хотел что-то сказать, но передумал.

– У этого что было? – Спросил Сергей.

– «Марголин», – сказал старший группы захвата.

Сергей молча протянул руку. Оперативник вложил в нее пистолет. Сергей засунул его за пояс. Жестом показал задержанному повернуться к стене.

Выдернув следующего, Сергей всплеснул руками:

– Всеволод Савельевич! Какая неожиданная и радостная встреча! Не правда ли?

– У вас есть санкция прокурора? – Брезгливо спросил пожилой джентльмен.

– А как же! В рамках закона!

– В таком случае вам должно быть известно, что я обладаю депутатской неприкосновенностью.

– Разумеется! Вам будет предоставлена отдельная камера. Для депутатов! – Сергей повернулся к лысому оперативнику. – Давайте закругляться.

– Следователи еще не закончили с понятыми...

Сергей подошел к Павлику, все это время не сводившему с него глаз. Протянул пистолет, обнаруженный у задержанного.

– Мне бы не хотелось, чтобы с этим парнем что-нибудь случилось в ближайшее время.

– Схватчено на лету, командир. – Павлик засунул пистолет себе за пояс тем же жестом, что и Сергей.

Задержанных выводили из ресторана и рассаживали по машинам.

Павлик сопровождал мужчину в кожаной куртке, того самого, чей пистолет нес за поясом.

Сергей стоял возле своих «Жигулей», наблюдая за завершением операции. Когда Павлик с задержанным проходил мимо него, он чуть заметно склонил голову набок. Этот знак одновременно поймали и Павлик, и сопровождаемый им мужчина.

При посадке в автомобиль Павлик оступился, причем так неловко, что заслонил на миг задержанного от стоящего рядом оперативника с автоматом. Этого мгновения хватило задержанному, чтобы броситься в сторону.

Оперативник схватился за автомат, но ему мешала спина Павлика. Он сделал пару шагов влево, но Павлик, выхватив из-под мышки пистолет, умудрился так присесть перед ним на колено, что опять закрыл сектор обстрела. Оперативник выругался и бросился в темень за беглецом.

– Стой! Стрелять буду! – По всем правилам крикнул Павлик и только после этого произвел два выстрела.

И непонятно было, в кого он стрелял: в беглеца или преследователя. Но не попал, судя по всему, ни в того, ни в другого.

Остальные сотрудники действовали согласно инструкции: быстро заталкивали задержанных в автомобили, заводили двигатели, усиливали охрану и т. д.

– «Алмаз» организует погоню. «Мурат» блокирует район. Остальные завершают работу, – скомандовал Сергей.

Сотрудники групп «Алмаз» и «Мурат» бросились выполнять приказание.

Сергей подошел к Павлику, всем своим видом изображавшему раскаяние.

– Как же так?

– Оступился, товарищ майор...

– Растяпа!

– Виноват.

– Ладно. Утром разберемся.

Человек в разодранной кожаной куртке и замызганных джинсах, которого мы видели убегающим от Павлика, – Александр Лысенко с трудом преодолевал лестничные пролеты в старом, просторном доме.

Остановился на последней площадке. Прислушался и только после этого нажал кнопку звонка.

Дверь открыла яркая молодая женщина в холщовой рубаше поверх заляпанных краской домашних брюк. Ее черные волосы были стянуты повязкой, проходившей через лоб. Это была художница Нила Белан.

– Боже! Что с тобой? – Всплеснула она руками.

– Пустяки! Немного покорябался.

– Ты опять подрался! – Сказала Нила, пропуская его в мастерскую. – Их много было?

– Не успел сосчитать.

– Надеюсь, ты им всем дал?

– Некоторые не захотели брать...

– Но ты их накажешь, правда, милый? – Нила поцеловала его. – Зло не должно оставаться неоплаченным!

– Конечно. – Поморщился от боли Лысенко.

– О, бедный мой гладиатор! Сейчас я тебе помогу. – Нила отстранилась от друга. – Пойду, сделаю ванну. Да здравствует Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!

В кабинете начальника управления генерала Донского проходил разбор проведенной операции. По обеим сторонам длинного стола расположились офицеры. Сам генерал – кряжистый человек в штатском, с детскими голубыми глазами – сидел за своим столом, расположенным перпендикулярно общему.

Говорил полковник Навалишин, начальник Сергея:

– Установить личность беглеца пока не представляется возможным. Отпечатки пальцев на оружии сильно затерты пальцами наших сотрудников: Усольцева, – кивок в сторону лысого командира группы захвата, – Путилина, – в сторону Сергея, – Мамонтова, – на Павлика.

Павлик глубоко вздохнул, показывая, как тяжело переживает допущенную оплошность.

– По фрагментам дактилоскопии, которые удалось снять, в картотеке не проходит...

– Как же так, Сергей Георгиевич? – Спросил генерал у Путилина.

– И на старуху бывает проруха, – развел руками Сергей.

– У нас прорух не должно быть, как говорится. А если считаешь себя старым, то мы можем и на пенсионное обеспечение проводить, ага.

– Ему еще до пенсии, как медному котелку, трубить, – вставил Усольцев, командир группы захвата.

– А вот адвокатов нам не требуется! – Возмутился Донской. – У самого рыльце, как говорится, в пуху. По пояс! Проведешь со своими дополнительные занятия по стрелковой подготовке, ага.

– Есть, – кротко произнес Усольцев и сделал пометку в блокноте.

– А тебе, Путилин, поставим на вид, учитывая, и все такое прочее. Что же касается старшего лейтенанта Мамонтова, – Павлик вскочил с места, стал по стойке «смирно». – Первый раз ограничимся строгачом по первое число. А если и это не поможет, будем гнать взашей, каленой метлой, ага. Но я вас, кажется, перебил, пожалуйста, – это уже Навалишину.

Навалишин продолжил:

– Судя по показаниям обслуживающего персонала, беглец – личность случайная. К интересующей нас разработке не причастен. Скорее всего, его привело туда стремление получить валюту. Для идентификации личности думаю подключить милицевских. А по нашей линии предлагаются следующие мероприятия...

В спортзале комплекса «Геркулес» молодые и не очень молодые люди в белых кимоно занимались каратэ. В зале стоял шум от глухих ударов по макиварам и телам.

Несколько человек разучивали связки. Две лары работали в спарринге.

Между атлетами разгуливал крепыш с седыми усами – инструктор – и указывал на ошибки при исполнении приемов. Впрочем, особого вмешательства в данном случае не требовалось – ребята знали свое дело.

Отворилась дверь, и появился Лысенко в черном кимоно.

– Смирно! – Рывкнул инструктор. – В шеренгу по два становись!

Всего несколько секунд понадобилось разбросанным по всему залу молодцам, чтобы занять места в строю.

Инструктор парадным шагом направился к Лысенко:

– Товарищ председатель, военно-спортивная секция «Фланг» проводит занятия по физической подготовке!

– Здравствуйте, товарищи спортсмены! – Поздоровался Лысенко.

– Здра... жела... това... датель! – Дружно выдохнули товарищи спортсмены.

«Жигули» мчались по веселому дневному городу. За рулем был Путилин, Павлик сидел рядом, выставив в окно локоть.

– Мой старшина в армии говорил: «Когда солдата ругают, он должен встать и покраснеть», – сказал Сергей.

– Наш был попроще. Любимая поговорка: «Нас дерут, а мы крепчаем!» – отозвался Павлик.

– Seriously к этому относиться не стоит. Выговоры заносят и выносят. Как покойников. А жизнь идет...

– Вы меня, что, совсем за лоха держите, Сергей Георгиевич?

– Хочу, Паша, чтобы ты осознал: мы втянулись в довольно рискованную историю. Обратного пути нет.

– Догадываюсь...

– Только вперед. Шаг влево, вправо – погорим.

– Я понимаю.

Сергей резко затормозил машину. От неожиданности Павлик чуть не влетел в лобовое стекло, но вовремя сгруппировался.

– Что ты понимаешь? – Повернулся к нему Сергей.

– Все понимаю. Не совсем же идиот.

– Ты, Паша, умный, способный мальчик. – Сергей ткнул его пальцем в грудь. – И ты будешь делать с этой минуты только то, что я скажу. А если кто-нибудь будет задавать лишние вопросы, сразу скажешь мне.

– Слушаюсь, Сергей Георгиевич.

– Мы связаны одной цепью. Если она порвется, худо будет обоим.

– С моей стороны обрыва не будет.

– Ну и славно. Поехали дальше. – Сергей тронул машину с места.

Некоторое время ехали молча.

– Итак, Батуев. Что о нем известно? – Первым нарушил тишину Сергей.

Павлик оторвался от законных пейзажей и на память четко произнес:

– Батуев Константин Петрович, 51 год, русский, образование – высшее. Руководитель объединения «Сельхозтехника». Молва приписывает ему поговорку: «В мире существует три системы – капитализма, социализма и сельхозтехники». Семейное положение – разведен. Старший сын – юрист. Только за счет связей отца можно отнести его стремительную карьеру в органах прокуратуры. Сам же Батуев-старший слывет крепким хозяйственником. Держится независимо, часто оказывает важные услуги местным руководителям. Увлечения два: рыбалка и женщины. Последняя сердечная привязанность – артистка Жанна Самарина.

– Хорошо. Установишь «уши» у него в кабинете и на даче. На даче будет труднее, придется организовать поломку телефонной линии.

– Сергей Георгиевич! Опять учите, – протянул Павлик.

– Раз такой умный, дальше пойдешь пешком. – Сергей притормозил возле автобусной остановки.

– До завтра! – Павлик вылез из машины.

Сергей оставил машину на стоянке, а сам пересек улицу и поднялся по ступенькам к главному подъезду гостиницы «Россия».

В холле с равнодушным видом осмотрел выложенные на прилавок галантерейные безделушки, купил газету «Советский спорт» и, не заметив ничего подозрительного, подошел к дежурной администраторше.

– Салам алейкум, Ангелина Федоровна! Вы прямо на глазах хорошеете!

– Ну, ты скажешь, Вадик! – Потянулась всем телом дебелая женщина. – Отшумели мои поезда!

– Зато остались верными транзитные пассажиры, – подмигнул ей Сергей, принимая ключ от номера.

– Ох, и баловник, этот Вадик, – произнесла вслед ему администраторша.

Его агента звали Артур. Немногим за двадцать, одет во все фирменно-вареное, сигареты – только «Мальборо», зажигалка – «Ронсон».

Развалившись в гостиничном кресле, он рассказывал:

– Сырье по документам идет как переработанное на скатерти. По прејскуранту – пять шестьдесят. А на самом деле из него изготавливаю, допустим, две майки. Каждая – 35—40 рваных. Естественно, деньги вносятся в кассу. Вообще, накладные, отчеты, квитанции у меня, как прикид на хорошей телке: безукоризненны.

– А обэхаэсэсникам сколько отстегиваешь? – Спросил Сергей.

– Видите ли, Вадим Георгиевич, здесь другое дело. Они ко мне не сунутся.

– Почему же?

– И хлопотно, и боязно, и мама не велит. Вдруг, их на наличке накроют...

– Кто?

– Да, хоть бы и вы.

– Как же рассчитываетесь?

– Как вам хорошо известно, я реализую товар в промышленных центрах Поволжья. Население там очень демократичное и просто обожает наши майки с перестроечной символикой, – улыбнулся Артур. – Там, в одном из городов, меня поджидает бригада ОБХСС из нашего управления. С ордером на арест. Подписанным прокурором!

– Батуевым-младшим?

– Вадим Георгиевич! – Развел руками Артур. – Мы же условились – без имен.

– Ладно. Продолжай.

– А чего продолжать? Дальше все просто, как хозяйственное мыло. Я им – башли, они при мне уничтожают все документы. Я снова свободен и счастлив!

– Сколько сейчас стоит счастье?

– Двести пятьдесят – триста штук. Зависит от количества товара.

– А товара ты, значит, везешь на...

– Вадим Георгиевич! У меня должны быть коммерческие тайны! Иначе, какой я бизнесмен?

– Лады. Но ты мне должен помочь в одном деле.

– Для вас – всё, что в моих силах.

- Узнай, кто из наших людей сидит на прикупе у Батуева-старшего?
 - Ого! За такое голову запросто могут свинтить!
 - Не спорю, дело не простое. Поэтому и обращаюсь к тебе.
 - Крайнего нашли, что ли?
 - Нужен умный, рискованный парень. Как ты.
 - Не все мне доступно...
 - Не прибедайся, Артур. Ты не последний человек!
- Артур вытер со лба пот. Немного подумал:
- Можно, конечно, попробовать...

Дежурный по спорткомплексу «Геркулес» в пятнистой десантной форме, без знаков различия, заступил дорогу Путилину.

- Что вы хотели?
- Физо покачать!
- У нас закрытый спорткомплекс.
- Спецобслуживание?
- Вроде того.
- А где же работягам нормы ГТО сдавать?
- Какие нормы?
- Обыкновенные! На значок «Готов к труду и обороне»! Работягам!
- А я при чем?
- Интересно получается, – наступал Сергей на дежурного полной грудью. – Сам в форме! Нормы сдал! А работяг, значит, по боку? Завод «Красный компрессор». – Сергей помахал перед носом дежурного бумагой. – Ленинский райком направил. Это «Геркулес»?
- Ну, – протянул сбитый с толку дежурный.
- Баранки гну! – Передразнил его Сергей. – Ленинский райком постановление вынес. Нормы ГТО сдавать! Понял?
- Нет, – честно признался дежурный.
- После поймешь. К начальству сюда? – Сергей показал на пожарный выход.
- Нет, сюда. А потом налево.
- Найду. Завод «Красный компрессор» не пропадет! – Сергей уверенно толкнул дверь в коридор.

Когда Путилин вошел в кабинет Лысенко, тот проверял расчетные ведомости. Увидев Сергея, отложил в сторону калькулятор, усмехнулся:

- Братъ пришел?
 - Невежливый ты человек, Шурик, – проговорил Путилин, усаживаясь на стул и закидывая ногу за ногу. – К тебе приходит гость, а ты даже не поздравляешься. Не красиво!
 - Здравствуй, дорогой! Давно не виделись! Ордер покажи!
 - Боишься? Так и скажи...
 - Давно забыл, что это такое. Ты прекрасно знаешь, Серж.
 - Тогда чего мандражируешь? Захотел бы, из ресторана тебя не выпустил.
 - А куда бы ты делся? Когда ты там засветился, я успокоился: пронесло.
 - Ну, а стрелял бы лейтенант на поражение?
 - Труп тоже полноценный свидетель. А тебе свидетели не нужны. Вернее, я – как свидетель.
 - Скажи, пожалуйста, все рассчитал!
 - А ты как думал? Нас за так не возьмешь, мы с оттяжкой драны!
- Путилин обвел взглядом кабинет.

- Хорошо устроился.
- Не жалуюсь.
- Как князь живешь!
- Ну, уж...
- Или как восточный шейх? Гаремчик, говорят, содержишь?
- Ты, легавый! – Вскочил с места Лысенко. – Чего тебе надо? Чего сюда пришел?
- Увидеться, поговорить, – спокойно произнес Путилин. – Не совсем чужие все-таки.
- Считай: поговорили. – Лысенко подошел к Путилину, протянул руку. – Прощай!

Путилин поднялся со стула, но вместо рукопожатия сделал замах, будто собирается нанести удар. Лысенко вовремя поставил блок, однако Сергей только сымитировал удар и тут же «нанес» новый. Лысенко «отбил» и этот и сам перешел в наступление. Пришел черед «защищаться» Путилину. Так они и обменивались «ударами», наращивая темп и мощность программы. Силы были равны.

- Ну, все. Брэк! – Путилин остановился.
- Держишь форму, – сказал Лысенко. – Надо будет с тобой поработать в спарринге.
- Мы уже работаем, Шурик! – Путилин похлопал его по плечу и быстро вышел из кабинета.

В комнате для допросов следственного изолятора сидел на табурете пожилой уважаемый джентльмен, задержанный во время операции в ресторане. Конечно, время, проведенное в камере, не могло не отразиться на его внешнем виде, но повлиять на манеры и осанку было бессильно.

В комнату вошел Сергей Путилин.

- Ну что, Всеволод Савельевич, пойдете по этапу, а?
- Это уж как судьба распорядится.
- Пойдете! – Сергей остановился возле подследственного Жолобова. – И попадете в такую зону, что небо с овчинку покажется! Станете «шестеркой», уголовники о вас ноги будут вытирать. Долго ли так протянете, Всеволод Савельевич?
- Не надо меня запугивать, Сергей Георгиевич. Пуганы-с!
- Неужели? – Ласково спросил Сергей.

И неожиданно замахнулся, словно намеревался ребром ладони расцарапать переносицу Жолобову. Тот в ужасе закрыл лицо руками.

Сергей бить не стал. Схватил за волосы, потянул кверху.

- Гнида! Сейчас дам бумагу, и ты напишешь все, что знаешь о Батуеве. Собственноручно!
- Ничего не знаю! – Прокричал Жолобов.
- Даю тебе последний шанс! Решайся, ну!
- Что вы меня мучаете?
- Пиши! Потом будет поздно!
- Оставьте меня в покое!
- Покой тебе теперь долго будет сниться, – Сергей со всей силой опустил голову Жолобова на свое колено.

Подследственный взвыл.

- Что здесь происходит? – На пороге комнаты возник следователь Калмыков.
- Ничего особенного. – Сергей поправил прическу Жолобову. – Беседуем с Всеволодом Савельевичем.
- К вам применялось физическое воздействие? – Спросил Калмыков у Жолобова.
- Ну что вы, – возразил тот. – Разве в наших тюрьмах бьют?
- А почему слезы на глазах?

– А это, знаете ли, всё – Сергей Георгиевич! Забавный собеседник. – Жолобов изобразил на лице нечто вроде улыбки. – Такого порасскажет, от смеха помрешь.

– Вот видите, просто пошутили, – сказал Сергей и вышел из комнаты.

Калмыков раскрыл папку.

– Сессия крайсовета выразила протест в связи с вашим задержанием. Прокурор края отменил меру пресечения в отношении вас. С сегодняшнего дня вы свободны. – Калмыков протянул Жолобову бумаги. – Прошу расписаться. Здесь. И вот здесь.

Мастерская Нилы Белан была поделена на две части дощатой перегородкой, задрапированной с одной стороны ситцем с чайными розами – здесь была как бы гостиная, а с другой стороны – голубым панбархатом, это и была собственно мастерская.

В гостиной части стоял диван, низкий столик, стулья, здесь же были полки с книгами, старинными безделушками, стеллажи для картин. В рабочей все предметы подбирались строго по функциональному назначению: мольберт в центре, этюдники, стеллажи с красками, кистями, бумагой, подиум, картины на стенах и на полу.

– Пойдем, что-то покажу. – Нила потянула за руку Лысенко в свое ателье.

Он поднялся с дивана и прошел за ней на другую половину. Она подвела его к мольберту и сняла покрывало.

Возникла картина. Над горным ущельем возносились горящие кометы с человеческими лицами. И все, изображенное на холсте, – горы, ручей, люди – было завязано в единый композиционный узел, представляющий то ли костер, то ли ритуальный факел, то ли пламя свечи пред ликом Господа.

– Что это? – Спросил Лысенко.

– Моя молитва за тебя, милый. – Нила прижалась к Лысенко.

– Но у нас тогда не было другого выхода. Это был единственный спасительный выход.

– Не надо. Я много раз слышала эту историю. – Нила опустила на пол перед картиной. – У вас не было выхода. Душманы завалили ущелье. И тогда ты придумал спустить бензин вниз на дорогу. Несколько машин бензина. И поджечь. Ущелье было узкое. Они все сгорели...

– Это была война. – Лысенко опустился на пол рядом с ней.

– Да, это была война. Мне страшно за тебя.

– Все давно позади. – Он обнял ее за плечи.

– Такое неподвластно времени. – Она уткнулась лицом ему в шею. Расплакалась. – Я боюсь за тебя... За себя... За всех нас...

– Ну, что ты, что ты. Успокойся. – Он погладил ее по голове.

– Как ты... не понимаешь, – всхлинула она. – Дело не в нас... В проклятии... искривленном сознании... силах зла...

– Давай уедем отсюда.

– Куда? – Она вытерла нос, промокнула ладонью глаза.

– Все равно: в Америку, в Германию, во Францию...

– А кто нас там ждет?

– У тебя будет нормальная мастерская, краски, успех.

– Чтобы получить эту конуру, знаешь» сколько лет пришлось вкалывать?

– Там ты не будешь об этом думать.

– Почему?

– Это будут мои заботы. Скажи: поедешь со мной?

– Боже, что ты задумал?

– Ты меня любишь?

– Зачем спрашиваешь? Разве ты не знаешь?

– У меня никого нет, кроме тебя. – Лысенко поцеловал ее в шею. Потянулся к губам, но она уклонилась, и это еще больше разожгло его. – Я хочу тебя! Всегда!

– Ты совсем с ума сошел!

Но он уже не слушал ее. Опрокинул на пол и стал лихорадочно расстегивать пуговицы, крючки, тесемки.

В ста метрах от кооперативного кафе «Виктория» стояли «Жигули» старшего лейтенанта Мамонтова.

Павлик сидел на месте водителя и делал вид, что читает газету, а на самом деле внимательно слушал через наушник происходящий в кафе разговор.

Доносились голоса:

– В этом месяце полиэфир идет песочного и коричневого цвета.

– Сколько?

– Могут поставить восемьдесят тонн.

– Взамен?

– Попросят бензин А-76.

– Шестьдесят тонн выделит Севка.

– Константин Петрович! Побойся бога, я еще к делам не успел приступить.

– Ничего. Раньше сядешь – раньше выйдешь! – Под общий смех произнес голос невидимого «дирижера».

В окно автомобиля постучали. Павлик отложил газету и увидел милиционера с бляхой автоинспектора на мундире.

– Инспектор ГАИ сержант Свистунов! – Представился милиционер. – Здесь стоянка запрещена! Па-апрошу документы!

Павлик поманил его к себе. Когда инспектор наклонился, сказал:

– Пошел вон!

– Не понял! Выпимши? Па-апрошу выйти из машины! – Милиционер распахнул дверцу машины.

Павлик сунул ему под нос служебное удостоверение:

– Чтобы я тебя больше не видел! Двадцать секунд на размышление!

Ознакомившись с удостоверением, милиционер захлопнул дверцу:

– Двадцать секунд! Мысль движется со скоростью света!

И удалился.

Павлик покрутил ручку настройки передатчика и снова прикрылся газетой.

Послышались голоса:

– Станкостроительное объединение отправит швеллер, уголок и металлопрокат.

– В документах должно стоять: сорок пять тысяч.

– Слушаюсь, Константин Петрович!

– Лично проследишь!

– Можете не волноваться!

– В прошлый раз из-за тебя курьера с новыми документами послали...

– Больше не повторится! Честью клянусь!

– Не смейши народ – честью... Такого дефицита у тебя на складе нет.

В окно опять постучали. Все тот же милиционер открыл дверцу автомобиля.

– Инспектор ГАИ сержант Свистунов!

– Уже запомнил. Дальше?

– Здесь стоянка запрещена для всех! Без исключения!

– Ну, и...?

– Па-апрошу покинуть место!

– А не пойти ли тебе в задницу, Свистунов?
– Па-апрошу не выражаться! Я при исполнении!
– Не может быть!
– Так точно!
– Тогда почему не выполняешь приказы старших по званию? Я же приказал: сгинь отсюда!

Милиционер захлопнул дверцу:

– Закон есть закон! Де факто!

И удалился.

Павлик снова покрутил ручку настройки.

Раздались голоса:

– И последнее. Артур, касается тебя.

– Весь – внимание, Константин Петрович!

– Завтра к тебе нагрянет проверка.

– Обеспечим достойную встречу.

– Сколько сверхнорматива?

– Килограммов шестьсот.

– Четыреста сегодня отвезешь к Алику. Остальное заберет Филипп Филиппович.

– А я чем месяц закрою?

– Напряжешься, родной. Вскроешь внутренние резервы.

И снова стук в окно автомобиля.

– Инспектор ГАИ сержант Свистунов!

– Слушай, чего тебе надо?

– Товарищ старший лейтенант, а мне что делать? Вы нарушаете правила парковки автомобилей...

– Запиши номер машины. Вечером доложишь своему начальству.

– Понял!

Счастливый Свистунов показал Павлику образцово перетянутую португеей спину.

Из кафе «Виктория» постепенно стали выходить участники сходки: Батуев, Жолобов, Артур и другие люди, разных возрастов и, судя по внешнему виду, разных социальных групп.

Павлик заснял их разъезд на фотопленку.

Дождь лил как из ведра, и пригородная роща, любимое место отдыха горожан, напоминала затонувший корабль. Однако не брошенный командой. То тут, то там мелькали молодеватые фигуры в ветровках поверх спортивных костюмов. Это тренировалась секция «Фланг».

Инструктор в плащ-палатке с секундомером в руке стоял под сосной и подгонял спортсменов:

– Темп! Не упускай темп! Плечи разверни, урод! Береги дыхалку, сынок!

Один остановился возле него:

– Все! Больше не могу!

– В строй! Догоняй ребят!

– Устал. – Он уперся руками в колени, согнулся.

– Бабе своей расскажешь. Дома на диване! А сейчас – выполняй приказ!

– На болт мне эти скачки? Там климат иной...

– С таким настроением ты и там не будешь нужен. Делай, что говорю. – Инструктор похлопал его по спине. – Ладно, отдохнул малость. Теперь – вперед! По-шел! – И резко толкнул в спину.

Боец глубоко вздохнул. Набрал побольше воздуха и побежал следом за товарищами.

Лысенко бежал наравне со всеми. Внезапно дорогу ему перегородил выплывший из пелены дождя автомобиль. Он насторожился. Но из кабины выглянул Путилин:

- Садись!
- Они отъехали от тропы, укрылись под деревьями.
- Тебе не жалко этих ребят? – Спросил Путилин.
- Не размокнут, не сахарные.
- Я не о том.
- О чем же?
- Что их ждет впереди?
- А что их ждет через десять-двадцать лет? Когда они полностью утратят форму? Нищенская зарплата. Затрапезные шмотки. Голодный взгляд стариков. Поход в коммерческий магазин – праздник.
- А ты хочешь их облагодетельствовать?
- Во всяком случае, даю им шанс на нормальную жизнь! А ты мне мешаешь. Везде суешь нос. Легавый!
- Не кипятись, Шурик. Вспомни: «Есть такая профессия – Родину защищать».
- Чепуха! Родину растащили на части старые партийные пердуны, когда мы там воевали. Каждый живет для себя. А ты прикрываешься политруковской болтовней.
- Для меня это не болтовня. Это стержень. Без него мир рухнет!
- Он уже рухнул! Мы все живем под его обломками. Задыхаемся! А ты не хочешь этого замечать. Ты и на лапу не берешь, потому что трясешься за свое положение.
- Посмотри, в кого ты превратился! Уже ни во что не веришь.
- А тебе какое дело?
- Хочу шанс тебе дать.
- Оставь его себе. Я никогда, слышишь, ни-ког-да не буду стукачом! Легавый! – Лысенко вылез из машины и с силой хлопнул дверцей.

В мастерской Нилы Белан, облокотясь на валик дивана, сидела вызывающе красивая женщина – артистка Жанна Самарина. Нила сидела в кресле напротив нее, по другую сторону стола, и делала наброски в альбоме.

– И этот автобус, старенькая дребезжащая «Кубань», – говорила Жанна, – становится настоящим благом. Здесь до тебя никому нет дела. Можешь часами беседовать с соседом о пустяках. Или изучать природу. Некоторые даже выходят из гостиницы рано утром пешком. И автобус их догоняет через несколько часов.

– А пыль? Жара? – Не отрываясь от работы, спросила Нила.

– А-а, – отмахнулась Жанна. – Но самое главное, конечно, публика. Доверчивая и благодарная провинциальная публика. Наш зритель! Они до отказа заполняют зал с неудобными скамейками. Старая сцена и плохое освещение. Но там, внизу, в темноте, люди живут собственной жизнью. Их смех, дыхание, возгласы – это часть нашего общения с ними. Иногда, когда они задеты за живое, мы сливаемся воедино. И тогда в зале наступает тишина. А на сцене царит настоящая жизнь!

– Кто знает, что такое настоящая жизнь?

– Один довольно неглупый человек сказал, что никакая любовь и ненависть не могут быть сильнее, чем страсти, бушующие на сцене между 19 и 22 часами каждый вечер. Правда, красиво?

– А как тебе это? – Нила протянула сделанный эскиз.

– О! Просто великолепно! Потрясающе! Особенно этот вырез!.. Но... Знаешь, дорогая, мне кажется, что все-таки... Словом, надо поискать какую-то грань между романтической драмой и карнавалом.

– Мне всегда казалось: любые награды – фарс!

– Но это не просто награда. Герой соцтруда! Конечно, сейчас многое переоценивается. И правильно! Я обеими руками голосую «за». Но какие-то ценности должны оставаться неизменными! А Батуев так много работает!

– Это еще не повод для всемирных торжеств. – Нила отобрала у нее эскиз.

– Как ты не понимаешь! Он хочет, чтобы это был праздник для всех. Не просто торжества по случаю... А карнавал! Настоящий маскарад! И мне отведена роль царицы бала!

– А ты помнишь, в каком наряде была Маргарита на балу у Воланда? – Спросила Нила, делая новый набросок.

– Нет?!

– В чем мать родила! Может, тебя такой костюм устроит?

– Вот мы и обиделись! И уже злимся! Художники – то-о-онкие натуры! Впечатлительные! О боже, как я не подумала раньше: надо выставить твои картины!

– Еще чего!

– Нет, правда! Какая я ветренная женщина! Представь: карнавал и выставка работ Нилы Белан! Это будет грандиозно!

В своем служебном кабинете с разных сторон стола над большим листом ватмана склонились Путилин и Мамонтов.

– Практически все трикотажные цеха имеют официальную крышу. – Рисовал кружочки Павлик. – Фонд культуры, Детский фонд, строительное управление №10...

– А этим зачем трикотаж? – Поинтересовался Путилин,

– Командир, вы упускаете из виду спецодежду.

– Неплохо.

– Да. Но все они работают на законных основаниях, фондируются в рамках переходной экономики.

– Неужели все так чисто?

– Нет, конечно. Крадут, приписывают, химичат с ценниками. Как и на любом производстве. Но суммы так себе: детишкам – на молочишко, отцам – на коньячок. Интерес возникает, когда в цех поступает сверхнормативное сырье. – Павлик стал рисовать квадратики над кружочками. – За один килограмм нити сверху дают до сорока рублей!

– А цех, скажем Артура, перерабатывает в месяц около десяти тонн нити. Значит, только за сырье он выплачивает что-то около четырехсот тысяч...

– Прибавьте сюда госцену. «Ваш человек в Гаване» отваливает теневикам ежемесячно минимум пятьсот штук.

– А сколько же он сам имеет?

– Считать чужие деньги нехорошо. Однако это не тот случай! Не знаю, что он пишет каждый раз в накладных. Но из килограмма полиэфирной нити он запросто может слепить один костюм под «Адидас». А это 120 рэ.

– И десять тонн сырья...

– ...превращаются в один миллион двести тысяч советских рублей каждый месяц!

– Элементарно, Ватсон!

В кабинете генерала Донского кроме хозяина находились полковник Навалишин и Путилин.

Говорил Путилин:

– Механика обеспечения сырьем довольно проста. В адрес Солнечногорского производственного объединения «Химволокно» из края отправляются остродефицитные изделия, строительное оборудование, техника. Предметом обмена служат также бензин, мебель, цветные

телевизоры, продукты питания и так далее. В обмен же поступает полиэфирная нить, из которой дельцы теневой экономики производят трикотажные изделия.

– Организованное экономическое вредительство, ага. Паразитируют, условно говоря, на трудностях момента, – промолвил генерал Донской.

– По предварительным оценкам, чистая прибыль только с этого вида бизнеса составляет сотни миллионов рублей в год. Такие средства требуют уже политического прикрытия, – продолжал Сергей.

– Послушаешь Сергея Георгиевича, прямо сицилийская «Коза ностра» у нас под носом орудует, – усмехнулся Навалишин.

– Хуже. У мафии свои законы. Она действует в государствах с развитыми правовыми структурами. У нас же – полный беспредел. «Коза ностра» не снились такие условия!

– Давайте не будем растекаться мыслью по деревьям, ага. Возвратимся, как говорится, к нашим баранам. – Остановил пикировку генерал Донской. – Кто верховодит кадрили?

– По оперативным данным, во главе преступной группировки стоит Батуев Константин Петрович, 1940 года рождения, руководитель объединения «Сельхозтехника»...

– Вот тебе и здарсьте, – крикнул генерал Донской. – Тут, понимаешь, намечается ему Героя соцтруда присудить, а мы, как говорится, в одном лице врага народа обнаруживаем. Антидюринг, проще сказать.

– По-моему, у Сергея Георгиевича это становится навязчивой идеей, – вставил слово Навалишин. – Посмотрите: недавняя история с Жолобовым, теперь – Батуев. Невольно напрашивается вопрос: кто следующий?

– Положим, бдительность еще никто не отменял, ага, – остановил его генерал Донской. – Но и факты, условно говоря, упрямая вещь. Одним словом, пока не увижу перед собой, ага, полную схему связей, строить предположения считаю категорически преждевременным явлением, тем не менее.

– К сожалению, – сказал Путилин, – мы пока не можем выявить все связи. Силы весьма ограничены.

– Великий Суворов учил: «Не числом, так умением!» – Напомнил генерал Донской. – Приходится с грустью констатировать, что многие оперативные, как говорится, работники утрачивают лучшие заветы наших дедов, и предков тем более. Что, впрочем, ни в коей мере не связано с возвратом к традициям пресловутых тридцать седьмых годов, ага. Сложной обстановке тотального страха и оголтелой подозрительности партия сказала однозначное «нет».

Лысенко и Жолобов в ярких мохнатых халатах отдыхали после сауны.

Перед ними на дубовом столе стояли водка, бутылки пильзенского пива, тарелки со сметком, раками, копченой севрюгой.

– Снова собрать такую сумму будет нелегко, – посасывая пиво, проговорил Жолобов.

– А ты постарайся, Сева, постарайся. Времени у меня мало.

Жолобов пожевал рыбку.

– Есть, конечно, один вариант.

– Какой?

– Помнишь того опера? В ресторане? Начальничка?

– Ну?..

– Есть люди, которые неплохо заплатили бы, если б он исчез.

– Ты, сука, – Лысенко схватил Жолобова за ворот халата. – Хочешь расплатиться со мной из чужого кошелька?

– Ты не так понял, – покрутил головой Жолобов, пытаясь высвободиться. – Просто можно было бы ускорить...

– Не финти, Сева. Если не хочешь иметь неприятностей со здоровьем. – Лысенко отпустил его.

Разлил по стопкам водку. Придвинул Жолобову.

– Слушай, а что ты задумал, а? – Спросил Жолобов, растирая шею. – Капиталистом хочешь стать? Свое дело затеваешь? Или за кордон собрался?

– Не суетись, Сева. Я же не интересуюсь, где ты берешь валюту.

– Ты на что намекаешь? – Насторожился Жолобов.

– Боже упаси! Никаких намеков! Предлагаю хлопнуть за дружбу и тесное сотрудничество. – Лысенко поднял свою стопку.

– За дружбу можно, – согласился Жолобов. – Мы должны помогать друг другу. Как в песне: если не мы, то кто?

Они чокнулись и выпили.

– Ладно, придумаем чего-нибудь, – проговорил Жолобов, разламывая рака.

Лысенко налил ему пива,

– Отдыхаю я у тебя душой, – сказал Жолобов, откидываясь к стенке, обитой деревом. – Полная расслабуха!

– Стараемся для друзей!

– Давай ключ, – протянул руку Жолобов.

Лысенко вложил в нее ключ на брелке.

Они поднялись. Прошли в другой зал. В бассейне плавали три девушки.

– Золотые рыбки, – сказал Лысенко.

Девушки помахали им ручками и поплыли в разные стороны, демонстрируя грациозные фигурки.

– В красном купальнике, – сказал Жолобов и направился к выходу из бассейна.

Лысенко спустился к воде. Позвал:

– Юленька!

В дверь позвонили. Сергей пошел открывать.

На пороге квартиры стоял Лысенко. Сергей присвистнул:

– Удивительное рядом!

– Можно войти?

– Нужно! – И уже в прихожей: – Чай, кофе, водка?

– Я не надолго.

– Тогда кофе, – решил Путилин, указывая на кухню.

В кухне Лысенко опустился на табурет возле стола, а Путилин стал молоть кофе. Молчали. Изредка бросали взгляды, кто первый начнет разговор.

Когда Путилин поставил кофе на огонь, Лысенко не выдержал:

– Мне предложили деньги, чтобы убрать тебя.

– И что ты? Согласился?

– Догадайся!

– А! Так ты пришел за этим! – Сергей поднял руки, демонстрируя, что оружия у него нет. – Вот он – я! Действуй! Что предпочитаешь: перышко, шило? Или яд в кофе?

– Не паясничай!

– Неужто отказался? – Сергей присел к столу рядом с Лысенко. – Или мало дали?

– Кончай трепаться!

– Тебе, боевому офицеру, уже заказывают «мокруху»! Не спрашиваю, кто. Он может быть подставным. Не в этом дело. Все равно его скручу. Но ты-то, ты, Шурик, уже прислуживаешь этой сволоте...

Закипел кофе. Путилин встал, чтобы его разлить.

– Неизвестно, кто в ком больше нуждается, – сказал Лысенко. – Они во мне. Или я в них. Я вон и тебе нужен.

– Пей кофе. – Путилин придвинул к нему чашку.

– А мне не нужен никто! И потому я сильнее всех вас! Я свободный человек! И никто мне не помешает!

– Все твои ребята так думают?

– Чужие мысли известны только Богу. Но умеют они только одно. Это точно. Хорошо воевать! А это никому здесь не нужно! Как и любая другая профессиональная работа.

– Предложи свои услуги в Карабахе. Оценят по достоинству.

– А расплачиваться чем будут? Мятыми рублями? На которые ни хрена не купишь? Нет уж, спасибо. Мы пойдем другим путем!

– Не боишься, что помешают?

– Кто?

– Да, хотя бы я!

– У тебя сил не хватит. Опять же: зачем тебе самому себе биографию портить.

– Но я могу и помочь... Опять же: чтобы биографию не портить.

– Я пришел к тебе не торговаться, – встал из-за стола Лысенко. – Мое дело предупредить. Перед Богом я чист. И перед тобой.

– Все путем, Шурик. – Путилин пожал ему руку.

Проводив Лысенко, Сергей поклонился по комнате. Потом достал с полки кассету. Включил видеомэгнитофон.

А сам стал играть в «коробок». Спичечный коробок кладется на край стола этикеткой вниз. Щелчком его подбрасывают в воздух. Если упадет этикеткой вверх – одно очко, станет на ребро – пять очков, застынет перпендикулярно столешнице – десять очков. Очень интересная игра. Ее еще «тюремное очко» называют.

Фильм был иностранный. На английском языке. Но то ли Путилин смотрел его много раз и хорошо знал содержание, то ли появился дубляж, но вскоре герои заговорили по-русски. И, кроме того, удивительно напоминали они самого Путилина, Лысенко, инструктора из «Фланга», других ребят, будто их одни актеры играли.

...Сквозь джунгли пробирался отряд

— Где чертов проводник? – спросил командир.

– Будет ждать у реки, – ответил сержант.

– Сколько еще до этой канавы?

– Три мили, сэр...

Коробок упал этикеткой вверх.

...По реке плыли лодки. На передней вместе с командиром, сержантом и переводчиком находился потрепанный туземец неопределенного возраста.

– Скажи этой макаке: если попадем в засаду, я с него скальп сниму, – сказал командир.

Переводчик исполнил приказ. Туземец расплылся в улыбке и залепетал что-то на своем языке.

– Он говорит, что всегда мечтал поехать в Штаты. Штаты – великая страна. Они несут свободу всему миру. Он любит Штаты и свободу.

– Мне начхать на его любовь. Пусть возьмет шест и проверяет фарватер. Как бы на мину не напороться...

Коробок встал на ребро.

...Когда лодки свернули в протоку, с обоих берегов раздались выстрелы. Схватился за автомат сержант, но снайперская пуля пробила ему шею. Свалился в воду переводчик.

Командир поймал на мушку проводника. Но тот ловко подпрыгнул и ударом пятки выбил автомат. Командир вытащил кинжал. Туземец бросился на него. Завязалась схватка.

На других лодках отстреливались и гибли солдаты. Противник предпочитал не высовываться из зарослей.

Проводник сбил командира с ног. И, как кошка, прыгнул на него, моментально перевернул лицом вниз и, вывернув руку, отобрал кинжал. И тут же приставил его сзади к промежности противника.

– Одно движение, и я выпущу тебе яйца наружу, – на чистом английском языке произнес туземец.

Командир сник.

– Хорошие ребята, янки, – сказал проводник, – но совсем не умеют воевать...

Коробок снова встал на ребро.

...Молодая женщина в белом платье отбросила в сторону газету, с полосы которой улыбался командир из джунглей. Встала. Открыла бар, налила себе полстакана бурбона. Выпила залпом.

Женщина прошла по квартире. Потерла пальцами виски. Потом решительно направилась к окну. Распахнула его.

Мимо сияющих окон небоскреба летела вниз женщина в белом платье...

Коробок, несколько раз перевернувшись в воздухе, встал на дыбы. Двадцать одно очко. Игра.

Путилин с силой опустил кулак на спичечный коробок. Расплющил его.

В агентурном номере гостиницы Путилин беседовал с Артуром. На столе стояли пустые бутылки из-под минеральной воды.

– Ну, а насчет моей просьбы не забыл? – спросил Путилин.

– У вас их всегда так много... Какой именно?

– Ну как же? Кто из наших в долю входит?

– А, вот вы о чем, Вадим Георгиевич... Так ведь я не со всеми знаком...

– Ладно, ладно, Артур, не скромничай. Твою информацию и перепроверять не надо.

Артур вытащил из кармана записную книжку. Написал на чистой странице фамилию и вырвал ее.

– Похоже, что этот, – сказал он, протягивая листок Путилину.

– Не слабо! – Выдохнул Сергей, взглянув на фамилию.

Он свернул листок вдвое и хотел положить в карман, но Артур ловко выхватил его. И быстро поднес к бумаге зажигалку.

– Подвиг разведчика, – усмехнулся Сергей.

– Береженный дольше дышит, – сказал Артур.

– На свободе?

– Ох, Вадим Георгиевич, не можете вы, чтобы не напомнить...

– Да это так, к слову, – отмахнулся Путилин. – Скажи лучше, как можно отследить все поставки полиэфирной нити в край?

– Тоже мне, задачка. Поставщик-то один – Солнечногорский комбинат. У них в отделе сбыта хранятся все накладные. Кому, сколько, когда. А у нас ничего не найдете, пустая затея. Документы потеряны или подменены. Только там ищите. Им все равно, кому нитки поставлять.

– Золотая голова у тебя, Артур! И такому шалопаю досталась!

Артур довольно улыбнулся

Нила Белан развешивала свои картины в галерее Дворца культуры «Труженик». Ей помогали двое парней в рабочих комбинезонах.

Неслышно отворилась дверь, и в галерею зашел Путилин. Тихо подошел к развешанным уже картинам. Стал рассматривать.

Один из парней толкнул в бок Нилу, показав головой на незваного гостя. Нила вытерла руки тряпкой и подошла к Путилину.

– Вы из Дворца культуры? – Спросила она.

– Что? – Очнулся от созерцания ее работ Сергей. – Нет, что вы...

– Из Союза художников?

– Господь с вами...

– А тогда?..

– ...что здесь делаю? – Продолжил за нее Сергей.

Нила утвердительно качнула головой.

– Смотрю. Любуюсь. Пытаюсь понять.

– Но экспозиция еще не завершена.

– А разве по части нельзя понять целое?

– Вы что – археолог?

– В какой-то мере. Тоже вожусь с загадками прошлого.

– Тогда понятно. А то нормальные люди предпочитают смотреть, когда все завершено.

– Так я произвожу впечатление ненормального?

– Ну, это в том смысле, что все мы немного того. Как у Маяковского: «Мама! Ваш сын прекрасно болен!»

– Это комплимент?

– Конечно. Первому зрителю!

– Хотите услышать ответный?

– Ничего не имею против. – Нила склонила голову набок.

– Вы интересный художник. Когда работаете в реальном пространстве. А вот аллегории вам хуже удаются.

– Что вы имеете в виду?

– Взять хотя бы эту работу. – Сергей указал на картину, которую мы видели в мастерской художницы.

Они подошли к ней.

– «Молитва». – Прочитал Путилин на этикетке.

– Да, это молитва. Кстати, основана на реальных событиях.

– Догадываюсь. Афганистан?

– Да.

– Вы были там?

– Нет. Но мой близкий человек прошел через этот ад.

– Вы тогда уже были с ним?

– Нет!

– А откуда знаете?

– Он мне рассказывал... Да, какого дьявола?.. Художнику не обязательно все непосредственно видеть! Главное – подлинность чувств!

- Но разве может быть действенной молитва вместо другого?
- Вы полагаете?
- Конечно, можно молиться за чье-то здоровье, жизнь, благополучие. И так далее до бесконечности. Но от имени другого молиться – это, простите, святотатство! В таком случае отсутствует покаяние. И значит – вина остается.
- Вы рассуждаете, как верующий человек.
- Ну что вы...
- Не верите в Бога?
- Только в справедливость!
- А я уж было подумала, что вы искусствовед.
- Отчего?
- Они все теперь спят, положив Библию под подушку, – рассмеялась Нила.
- Да, нет, – сделал неопределенный жест Путилин. – А вы, кстати, на трикотажной фабрике не работали?
- Был такой эпизод в моей биографии. Сразу после института. Была художницей по тканям. Откуда знаете?
- О биографии мастера говорят его произведения. – Сергей показал рукой на соседнюю с «Молитвой» картину.
- Ах, это... У вас потрясающая память!
- Популярный был рисунок!
- Спасибо за ответный комплимент.
- Ради бога, – развел руками Сергей. – А сейчас контакты с трикотажниками не поддерживаете? На майках, кажется, появляются похожие элементы?
- Обращаются иногда ребята. По старой памяти. Делаю им эскизы. Но это так, халтура. Ради денежки!
- Распахнулась дверь. В галерею боком протиснулся Лысенко с несколькими большими картинами, завернутыми в холстину.
- И делал я благое дело! – Громко продекламировал он, и вдруг увидел Путилина рядом с Нилой. – Однако!
- Лысенко поставил картины у двери и направился к ним.
- Здравствуй, Шурик! – Радостно произнес Путилин.
- Привет! – Лысенко пожал протянутую руку.
- Вы знакомы? – Удивилась Нила.
- Да, – ответил Лысенко. – Но не знал, что и вы знакомы.
- Мы только что познакомились, – сказала Нила и пошла к принесенным работам.
- Зачем пришел? – Спросил Лысенко, когда они остались одни.
- Случайно заглянул, – сказал Путилин.
- Врешь!
- Тебе уже повсюду заговоры мерещатся!
- Ты просто так не придешь!
- Зашел посмотреть ее работы. Такой ответ тебя устроит? – Путилин взглянул на наручные часы. – Да мне уже и пора.
- Не впутывай ее в свои дела! – Заступил ему дорогу Лысенко. – За нее глотку перегрызу!
- Ты чего, Шурик? – Отстранил его Путилин. – Нервы надо беречь!
- И пошел к выходу. А перед тем, как уйти, сказал Ниле:
- Желаю удачной выставки!
- Благодарю, – отозвалась Нила.
- А когда к ней подошел Лысенко, спросила:
- О чем вы говорили?

– Так, ни о чем.

– Странный он человек, – сказала Нила, и прижалась к Лысенко.

Путилин шел по набережной. Резкий звук автомобильных тормозов заставил его оглянуться. И вовремя! Свернув с мостовой на тротуар, прямо на него на полной скорости мчалась «девятка».

Находившийся рядом народ бросился врассыпную.

Путилин успел повернуться лицом к машине и, когда она, казалось бы, неминуемо должна была сбить его, прыгнул на капот. Ухватился левой рукой за зеркальце, правой вытащил пистолет. Выстрелил в двигатель.

Но «девятка» с повисшим на ней человеком продолжала лететь вперед. Более того, из окна высунулся парень и стал бить Путилина по пальцам, сжимавшим зеркальце.

Путилин прижал голову к капоту и со всего маху ударил рукояткой пистолета по ветровому стеклу. Со свистом разлетелись осколки.

– Атаc! – Крикнул сидевший рядом с водителем парень, и открыл на ходу дверцу.

Путилин наставил пистолет на водителя. Пассажир выпрыгнул из кабины, а водитель с испугу резко вывернул руль.

Путилин разжал пальцы, сжимавшие зеркало, и, оттолкнувшись, полетел через крыло на асфальт.

Автомобиль со всей скорости налетел на чугунную цепь, соединявшую бетонные тумбы на набережной, и, кувыркнувшись в воздухе, упал в реку.

Встав на ноги, Сергей увидел спину убежавшего парня. Бросился вдогонку.

На площади перед мостом инспектор ГАИ сержант Свистунов любезничал с продавщицей мороженого. Его служебный мотоцикл с люлькой стоял в стороне.

Пробегавший мимо преступник прыгнул на сидение, мгновенно завел мотоцикл и помчался в сторону моста.

– Это же табельный транспорт! – Заорал ему вслед ошеломленный происшедшим сержант Свистунов. – Придется ответить по всей строгости!

Выскочив на площадь, Путилин на секунду замер, оценивая ситуацию. А потом подбежал к группе молодых людей, сидевших на скамейке, возле которой стояла новенькая «Хонда».

– Быстро ключи! – Приказал Путилин.

Сейчас в его внешности было нечто такое, что заставило длинноволосого пацана, не споря, протянуть ему ключ от мотоцикла.

Взревев, «Хонда» полетела к мосту.

– Не бейте его по лицу! Только по почкам! По почкам! – Напутствовал Сергея сержант Свистунов, приняв его за добровольного помощника милиции.

Вылетев на мост и лавируя между движущимся транспортом, Путилин заметил впереди желтый мотоцикл. Стал к нему приближаться.

Между ними оставался грузовик с танковой платформой вместо прицепа, когда Путилин увидел желтый сигнал светофора у последнего пролета моста. Мотоциклист тоже его заметил и прибавил скорость.

Путилин выжал до отказа ручку газа и, используя одну из салазок застывшей перед ним платформы в качестве трамплина, поднял мотоцикл в воздух.

«Хонда» перелетела через грузовик и успела прошмыгнуть между двинувшимися с обеих боковых сторон машинами.

Замелькали дома, улицы, палисадники.

Не выдерживая погони, милицейский мотоцикл заскочил в проходной двор. «Хонда» за ним. Они петляли по лабиринтам старых дворов. Стремясь оторваться, желтый мотоцикл свернул к арке между домами.

Арка оказалась заставленной мусорными баками. Проехать между ними было невозможно. Преступник бросил мотоцикл и выбежал на улицу.

Подъехав к арке, Путилин сдал немного назад и, выжав скорость, продемонстрировал трюк «гонки по вертикали», проскочив по стене над баками.

Парня он догнал довольно быстро. Поднял мотоцикл на дыбы и сбил беглеца ударом переднего колеса.

Когда Сергей наклонился над ним, парень от страха вжался в асфальт:

– Только не убивайте! Дяденька, я не хотел! Это Юрка Гроб заставил!

Оставив машину на улице, Путилин и Павлик вошли в кафе «Виктория». Павлик отправился в слабо освещенный зал, а Путилин задержался в холле у зеркала.

Павлик подошел к стойке и что-то спросил у бармена. Выслушав ответ, вытащил сигарету, щелкнул зажигалкой, но прикуривать не стал, передумал.

Получив условный сигнал, Сергей открыл дверь мужского туалета.

– Господи, что у тебя здесь делается, батя? – Возмущенно спросил у швейцара, служившего также гардеробщиком.

– Опять заблевали кафель! – Заранее возмутился швейцар, выползая из гардероба.

Когда он приблизился к туалету, Путилин втолкнул его в кабинку и защелкнул снаружи задвижку. Потом закрыл входную дверь на щеколду.

Павлик же подошел к столику, на который указал бармен. Юра Гроб сидел с двумя красавицами – беленькой и черненькой, и потягивал с ними шампанское.

– Слушай, тебя зовут, – постучал его по плечу Павлик.

– Отзынь, чучело, – бросил через плечо Юра Гроб.

– Ты – Юра Гроб?

– Допустим! – Юра поднял глаза к потолку, показывая подружкам, как его забодали просители.

Те понимающе захихикали.

– Тебя Артур в фойе ждет.

– Не дадут культурно отдохнуть, киски, – пожаловался красавицам Юра, и – Павлику: – Веди, Сусанин!

Увидев в холле Сергея, Юра попятился было назад, но Павлик надежно прикрывал дверь. Предпринять же что-либо Юра не успел, поскольку удар Путилина согнул его пополам.

– Узнал, козлик?

Юра Гроб прохрипел что-то в ответ и, шагнув в сторону, вытащил из заднего кармана нож. Нажал на кнопку – вылетело лезвие.

– Убивать буду, суки! – Закричал он, беспорядочно размахивая ножом.

Взять его на прием Сергею особого труда не составило. Через несколько секунд нож валялся на полу, а Юра с заломленной назад рукой бился под Путилиным.

– Кто навел? – Спросил Сергей, приподняв за волосы его голову.

– Пошел на хер, фраер!

Сергей опустил голову Юры на цементный пол.

– Ну?

Молчание. Сергей повторил операцию.

– Я спрашиваю: кто навел?

– Бей, гестапо! Партизаны молчат на допросах! – Неожиданно закричал Юра Гроб.

– Сейчас покажу тебе гестапо. – Павлик опустился рядом с ним на корточки.

Вытащил пистолет и поднес ствол к носу Гроба с такой силой, что у того потекла кровь. Павлик передернул затвор:

– Секунда, и тебя не будет. – И совершенно страшным голосом: – И-мя?!

- Францевич... – Выдавил из себя Гроб.
- Не понял?
- Вольдемар Францевич.
- Кто он?
- Директор.
- Чего?
- Дома культуры!
- Что сказал?
- У жены, говорит, хахаль завелся. Просил убрать...
- Фу, чёрт! – Поднялся с колен Павлик.
- Ну, вот видишь, все хорошо! А ты горячился, – проговорил Сергей, помогая Юре Гробу встать.

Павлик достал из кармана носовой платок, вытер кровь с лица Юры. А Сергей надел на него наручники.

- Почему тебя Гробом называют? – Поинтересовался Павлик.
- Потому, что бью только два раза. – Ослабился Юра. – Первый – в торец, второй – по крышке гроба!
- Это серьезное заявление, – сказал Павлик и двинул его локтем под дых. – Поедешь с нами!

Директор Дворца культуры «Труженник» Вольдемар Францевич Вальдман был пухл и розовощек, и как положено человеку, занятому возвращением талантов, имел маслянистые глазки.

Павлик разыскал его в музыкальном классе, на репетиции детской хоровой капеллы.

– Идет репетиция! Закройте дверь! – Громким шепотом произнес Вальдман, заметив Павлика в дверях.

– К вам делегация из крайсовпрофа! – Таким же громким шепотом ответил Павлик.

Руководительница капеллы покосилась на них, но не прервала дирижирования.

– Не расслабляйтесь, друзья! – Все тем же громким шепотом простился Вальдман с хористами и сделал несколько дирижерских пассов.

– Даровитые ребята! Надо поддерживать! И пропагандировать! – Говорил Вальдман Павлику в коридоре. – Но рядовой зритель холоден к классике. Ему рок-н-ролл подавай! А что вы хотите: влияние массовой культуры! А вы, по какому вопросу, товарищ? По кружковой работе?

– Нет.

– Тогда – по народному творчеству? Угадал, да?

– Тоже нет.

– Ну, значит, в связи с карнавалом...

– Ага. Насчет маскарада.

– Грандиозный будет праздник! Запоминающееся зрелище! Мы с товарищем Батуевым уже утвердили окончательный план.

В дверях директорского кабинета они немного потолкались, пропуская друг друга вперед, пока Павлик не подтолкнул Вальдмана за порог.

Зайдя в свой кабинет, Вольдемар Францевич опешил. Там его поджидали Путилин и Юра Гроб.

– Позвольте представиться. – Сергей сунул под нос директору служебное удостоверение. – Майор Путилин, а это – старший лейтенант Мамонтов. Ну, а этого человека, думаю, вам представлять не нужно. – Сергей указал на Юру Гроба.

– Знакомы, – кивнул Вальдман, опускаясь на подставленный Павликом стул.

– Ну что, Вольдемар Францевич, будем говорить? Или играть в молчанку?

– Мне нечего скрывать! Я советский человек! И с родственниками за границей отношений не поддерживаю! Только, прошу вас, пусть он уйдет, – директор кивнул в сторону Юры Гроба.

– Уведи, – приказал Павлику Путилин.

Павлик вывел Юру Гроба из кабинета.

– Итак? – Сергей приставил свой стул поближе к Вальдману.

– Я всегда уважал наши органы. Откуда мне было знать, что вы из органов? У меня дядя работал в органах! Дядя Вальтер! Не знали?

– Нет.

– У меня детки... Жена моложе на пятнадцать лет... А они впутывают в такое дело!

– Кто?

– Ну, эти, как же. Очень влиятельные люди. Спрашивают: нет ли на примете подходящего человека? А тут как раз Юра заглянул. Я и подумал, а почему бы не помочь. Но если бы я знал, что вы из органов, сразу бы отказался. Даже, может быть, вам сообщил!

– Это еще не поздно сделать, Вольдемар Францевич. Кто вас попросил об услуге?

– Очень влиятельные люди. Настолько влиятельные, что у меня не хватило сил отказать.

– А фамилии у них есть?

– Есть, конечно, есть! Все как полагается: имя, фамилия, отчество. А как же! Очень влиятельные люди!

– Хватит дурака валять! Назовите фамилии.

– Не могу. Раздавят они меня, – всхлипнул Вальдман. – А у меня жена, детки...

– Любите их?

– Очень! Детки такие талантливые: на виолончели играют...

– Ничего, будут вам в лагерь письма писать.

– Господь с вами...

– А жена развод оформит. Это не сложно, если муж в заключении.

– Ах, не будьте так жестоки!

– Это я жесток? Что вы, Вольдемар Францевич! Посмотрите, что с вами в лагере сделают. Вот уж где познакомитесь с настоящей жестокостью.

– Боже, боже! – Стал кусать ногти Вальдман. – Что делать? Что же делать? Никто не заступится за бедного служителя культуры! Никому теперь не нужна культура! Остаточный принцип!

– А ведь мы вам можем помочь, – положил ему руку на плечо Путилин. – И защитить! И семью не дадим в обиду!

– Это правда?

– Слово офицера!

– Значит, правда, – облегченно произнес Вальдман. – Органы всегда на страже! Советские органы не дадут в обиду советского человека, правда?

– Вы можете полностью положиться на нас, Вольдемар Францевич. А кстати, как фамилия человека, который навлек на вас такие неприятности?

– Да, господа, – Жолобов Всеволод Савельевич...

– Вот как!

– Да, да! Он, паразит такой, нехорошенький, попросил найти подходящего человечка. Так и сказал: человечка. Заметьте, не человека, а человечка!

– Знаете, Вольдемар Францевич, что мы сейчас сделаем?

– Что? – Оживился Вальдман.

– Мы все это запишем. У вас есть бумага?

– Конечно, есть.

– Садитесь и пишите!

Вальдман пересел за свой стол. Достал бумагу.

– Что писать?

– Пишите просто, без затей: я, Вальдман Вольдемар Францевич, добровольно обязуюсь сотрудничать...

Вечером «расслаблялись» у Путилина, на кухне. Сколько было принято на человека – неизвестно, но, судя по результатам, немало.

Павлик, стараясь изо всех сил сидеть ровно, перелистывал семейный альбом. Мелькали фотографии Путилина, Лысенко, очаровательной девушки – сестры Сергея.

Путилин комментировал:

– Мы с ним учились в десантном училище. В одной роте. Он – красавец, душа компании. Сестра была без ума от него. Они поженились перед самым выпуском. Меня сразу забрали в контору, а он пошел в боевую дивизию. И естественно – вскоре попал в ограниченный контингент. Мы все тогда были идиотами: интернациональный долг, интербригады, братские партии. Социализм шагает на Восток! Вот он и шагнул однажды... Пропал без вести! Что это? Убит? В плену? Дезертировал? Что я мог ей сказать? Сам ни хрена не знал! А она – светлая, увлекающаяся девочка. Стихи писала!

– Поэзия – про... про... прообраз будущего! Писатель один написал.

– Молодец. Сейчас вспомню. Ага. Вот, слушай:

Просторен день, как блуза – зеленел,
и листья мыслей лезли в майский воздух.
Жуки от почвы воротили морды,
жужжащий май крошился, словно мел,
на насекомых. Но уже напор
весны запечатлелся четким следом
в решении, что все-таки уедет,
и в надписи, украсившей забор.
Засада надписи таилась за углом.
Из школы девочка тащилась одиноко
нескладная, с критическим умом,
налитая зеленым острым соком ¹.

¹) – стихи Елизаветы Михайличенко

– «Нескладная, с критическим умом», – это о себе так. Понял?

– Конкретно, Сергей Георгиевич.

– От него не было вестей больше года. В годовщину их свадьбы она выбросилась из окна. Экспертиза установила: в состоянии сильного алкогольного опьянения.

– А я вот никогда не пьянь... не пьяню... не пьянею. Давайте – за сестру. Помянем!

Путилин наполнил рюмки. Павлик поднес свою к нему.

– Не чокаясь! – Отстранился Путилин. – Пусть земля ей будет пухом!

Выпили. Похрустели огурчиками.

– А он жив! Значит – не пропал без вести! – Внезапно озарило Павлика.

– Попал в плен. Потом та же банда взяла инженера Зейтуна. Личность легендарная. Восточный Махно! Они подружились. Потом вместе бежали. Или им помогли бежать. Короче, он стал военспецом в формированиях инженера Зейтуна. А что это значит? Значит: обучал стрелять по своим! Однозначно! Но доказательств нет. Особисты все же что-то учуяли, когда

он вернулся. Из армии его списали. Под благовидным предлогом! – Проакцентировал последние слова Путилин.

– И правильно. Офицерская честь! Адекватно, Сергей Георгиевич!

– Называй меня просто – Сергеем.

– А можно – Сержем?

– Наедине.

– Схвачено, командир!

Они обнялись. Поцеловались.

– А теперь связался с художницей, – сказал Путилин. – Видел я ее картинки. Жи-во-пи-сец! Живо писец. Полный писец! Сестру ему никогда не прощу!

В кабинете Путилина сидел полковник Навалишин.

– Прочитал твою справку. Тревожная, действительно, складывается картина. – Навалишин постучал пальцами по лежавшей перед ним папке.

– Нас ждет еще много сюрпризов, – сказал Сергей.

– Слушай, а источник у тебя надежный? Ошибиться не мог?

– Нет, здесь я спокоен. Художница! Глаз острый. Раньше на фабрике работала.. И теперь с ними контакты поддерживает.

– Ну, и ладушки. Давай лучше обмозгуем, кого будем к поощрению представлять...

Во Дворце культуры «Труженик» начинался костюмированный бал, который давал Константин Петрович Батуев. В фойе и многочисленных залах толпились цыганы, уличные торговцы, корсары, магометане, средневековые воины, гуляки, субретки, лакеи, санкюлоты, английские лорды, русские бояре, восточные негодяны, латиноамериканские писатели. Кого только тут не было! Можно было встретить Фауста, Дон-Жуана, Дапертутто, Иоканаана, северного Глана, убийцу Дориана, Гамлета, Саломею, Железную Маску. То тут, то там мелькали крепкие молодые люди в эсэсовской форме – охрана.

На верхней площадке появился Батуев в черном фраке с новенькой звездой Героя социалистического труда в петлице. Он вел под руку ослепительную Жанну Самарину.

– Приветствую вас, король вальсов! – Крикнула Жанна вниз.

И симфонический оркестр местной филармонии заиграл мелодию венского маэстро. А почетные гости стали подниматься по лестнице.

Возникший из-за колонны Жолобов, наряженный членом палаты пэров или его мажордомом – отличить их может только специалист – принялся представлять гостей:

– Ректор юридического института, нашей кузницы кадров, со старшекурсницей!

– Мы рады, ректор! – Приветствовала Жанна.

– Директор магазина «Океан» с вечерней наядой!

– Будьте как дома, рыбный бог!

– Секретарь правящей, хи-хи, партии с супругой.

– Не стесняйтесь, секретарь, вы здесь среди своих!..

Путилин в костюме испанского гидальго, наподобие тех, что любил рисовать на полях рукописей Лермонтов, пробирався в толпе.

В торговых рядах лавочник кричал буршу:

– Для твоей рябой рожи – две худых рожи, да полторы змеиных кожи, да сказать сто раз: «Помилуй, боже!»

Другой кланялся бухарскому хану, сделавшему богатую покупку:

– Адресок наш не забудьте: Продувной ряд, Муромский лес, в нем седьмой навес...

К Путилину привязался продавец мышеловок:

– Не надо ни дров, ни печки, можно обойтись огарком свечки! Изобретение шведского инженера Нобеля, подарившего его на службу человечеству!

– Не надо.

– Универсальная штука! Большим пальцем правой руки заводится пружина! – Продавец продемонстрировал достоинства изделия. – Задевается за крючок! И готова убийственная машина!

– Не нужна она мне!

– Возьмите на будущее! На крючок надевается корочка хлеба и поджаривается на пламени обыкновенной свечки. Получается приятная, лакомая приманка для животного! Все удовольствие – один рубль! – Цеплялся продавец.

Пришлось купить, чтобы не привлекать внимание. И быстрее убираться из торговых рядов.

В центре аукционного зала стоял сверкающий хромом, эмалью и никелем «Мерседес» цвета «мокрого асфальта».

– Начальная цена: один миллион! Миллион – раз! – Стукнул молоточком ведущий.

– «Лимон» двести! – Раздалось из зала.

– Двести, извиняюсь, чего?

– Копеек, мурло!

Общий смех, переходящий в бурные аплодисменты.

Путилин поставил мышеловку возле стены и собирался незаметно уйти, но его сзади схватили за плащ.

– Товарищ, это ваше приспособление?

Путилин оглянулся. Ульянов-Ленин с сердечным другом Дзержинским с вождением рассматривали мышеловку.

– Возьмите себе, – бросил им Путилин и направился к выходу.

– Феликс Эдмундович, передайте эту штуkenцию товарищу Кобе, – сказал Ульянов-Ленин. – Архиважная вещь при нашей бесхозяйственности!

И только в коридоре, отвернувшись от колдунов, звездочетов, лизисок, Путилин смог сказать в переговорное устройство:

– 33-й! Прием!

– 33-й на связи! – ответил голос Павлика.

– Как у тебя дела?

– Веду объект.

– Где находитесь?

– В верхнем фойе.

– Не спускай с него глаз. Отбой!

Не успел Путилин спрятать под плащ переговорное устройство, как на него надвинулся пьяный мушкетер, эдакий Портос.

– Жорж! Наконец-то тебя нашел! – Заорал он, раскрывая объятия.

– Я не Жорж! – Ответил Путилин, уклоняясь от объятий.

– Ах, Жорж, не глупи! Пойдем со мной, не пожалеешь! – Портос схватил Путилина под руку и потащил сквозь толпу.

– Это упоение. Что-то особенное! Брызги шампанского! – Говорил он на ходу. – Ведь, что придумали, нахалы? Комнату греха! Но для избранных! А я нашел! Ты ведь знаешь, я большой любитель до подобных аттракционов. Но тут такое! Сейчас сам увидишь! – Портос втолкнул Путилина в комнату греха.

Здесь совокуплялись, мастурбировали, предавались парафилии. Можно было увидеть даму с собачкой, мальчика с пальчиками, Веру и Надежду, свернувшихся кольцом в любовном экстазе. Никто никого не стеснялся. Наоборот: открытость стимулировала чувственность.

Путилин опешил. А Портос тянул его в угол, где сидели полуобнаженные красотки:
– Ты каких предпочитаешь в это время суток? Возьмем для пробы брюнеток! Впрочем, рыженькие тоже хороши.

Больше Путилин выдержать не смог. Двинул Портосу пяткой по голени. А когда тот взвыл от боли и выпустил его, добавил коленкой в пах. И бросился прочь.

– Ты же сам этого хотел, Жорж Данден! – Проговорил Портос, оседая на пол.

А Путилина на свободе встретила песня, исполняемая детской хоровой капеллой:

Зачем глядишь так жадно вдаль
И руки жмешь себе напрасно,
Ужель узнала ты печаль,
Ужель ты любишь сладострастно?
Нет, этого не может быть!..
Ведь ты чужда для упоений...

В соседнем зале демонстрировались модели одежды. И ведущий говорил в микрофон:

– Обратите внимание на это усовершенствование природы и искусства – декольте. Безмятежная грусть для нас, глазами созерцающих и не имеющих возможности привыкнуть! Сплошное колебание всех семи чувств света!

В это время у Путилина запиликало переговорное устройство. Закашляв, чтобы не привлечь внимание, Путилин отошел в сторону.

– 17-й на связи.
– Командир, я потерял его!
– Как же так?
– Черт его знает! Все время был рядом...
– Ладно. Ты где?
– У анфилады возле картинной галереи.
– Жди меня. Отбой!

Народ уже поднимался по лестнице потоком. Путилин с трудом лавировал в нем.

Павлик в костюме царского сокольничего поджидал его у бюста М. А. Булгакова.

– Присоединимся к свите, – сказал Путилин, указывая на почетных гостей, устремившихся вслед за Батуевым и Жанной в картинную галерею.

Гости осматривали экспозицию. Слышалось:

– Восхитительно!
– Мы с супругой просто тащимся с искусства! Особенно с живописи!
– Монтана!

Жолобов подвел гостей к скульптуре, покрытой красным бархатным покрывалом.

– А вот, извольте видеть, наше лучшее произведение, – сказал он и сдернул покрывало.

– Ах, – протяжно вымолвили разом сотни глоток.

На мраморном постаменте покоилась голова Нилы Белан с выпученными остекленевшими глазами.

– О-о-о-е-е-ё! – Дико заорал человек в костюме кавказца и бросился к Батуеву.

Это был Лысенко. Но понял это Путилин лишь в следующий миг, когда два эсэсовца из охраны схватили кавказца под руки, а третий сзади шмякнул его по голове автоматом. Они подхватили обмякшее тело и скрылись в толпе.

– Мы в восхищении! – Сказал Батуев, словно бы ничего не произошло.

– Как живая! – Проговорила Жанна.

И гости двинулись дальше.

Путилин почувствовал, что мертвой хваткой держит порывающегося броситься вперед Павлика. Хотел его успокоить, но тут перед ними в костюме тролля возник директор Дворца культуры Вальдман и зашептал:

– Я знаю, куда его потащили! Проведу вас тайной тропой! Следуйте за мной!

Сперва Вольдемар Францевич привел их в парикмахерскую.

Один из мастеров провожал пышно завитую маркитантку:

– Можете целоваться в засос хоть с самим Мастроянни! Волос не растрепится!

Другой наклонился над пастушкой:

– Вошка в головке тоже к богатству... Примета такая!

Пройдя служебную комнату, где кипятились инструменты и сушились простыни, они попали в совершенно странный зрительный зал.

Здесь полукругом были расставлены два ряда кресел. В них сидели римские патриции, екатерининские вельможи, нацистские бонзы и ворошиловские стрелки.

Перед ними за прозрачной стеной два десятка девушек, не замечая зрителей, переодевались, меняли белье, причесывались, чесались, присыпали пудрой потеющие места.

– Участницы конкурса красоты! – Прокомментировал происходящее Вальдман. – Последнее изобретение технического прогресса в деле культуры! С той стороны видна только оштукатуренная стена!

Следуя дальше за Вольдемаром Францевичем, Путилин с Павликом спустились по винтовой лестнице в подвальное помещение.

Здесь царили картежники. Слышалось:

– У кого нет азарта, к тому не идет карта!

– Левая дорога, правая сторона, дама с валетом не ходит одна, а с кавалером, будто честные супруги!

– А у супруги бывают многие друзья!

– Не толпитесь, кто не участвует!

– Удвойте ставку!

– Прекрасно! Опять моя: у вас дама, у меня – туз!

Рядом пристроились наперсточники.

– Плутство? Осторожнее выражайтесь! Кругом все видели! При вас перемешивал!

– Наперстки – государственные, не своей фабрики!

– Вы обыгрывать меня пришли? А не время по-честному провести на риск?

– Жалуйтесь хоть самому Горбачеву!

– Куда только смотрит милиция? – Не выдержал Путилин.

– Да вот же она, у клозета, – показал Вальдман.

В углу тринадцать милиционеров играли в «жучка». Это когда один поворачивается к компании задом и выставляет за спину ладошку. Его бьют кулаком по ней, а он должен по удару определить автора. Если правильно угадает – присоединяется к бьющим, а неудачник занимает его место.

Милиционеров можно было принять за ряженых. Когда бы не известный нам сержант Свистунов, который зайчиком скакал под ударами более удачливых коллег.

Вольдемар Францевич подвел наших героев к маленькой железной двери в стене.

– Вам сюда! – Сказал. – Мне дальше нельзя. Опасно! – И исчез.

Путилин открыл дверь. Они попали в узкий коридор, который через несколько десятков метров заворачивал влево. Последовав за его поворотом, они чуть ли не к носу столкнулись с эсэсовцем, сторожившим некий блок.

– Аусвайс? – Наставил на них автомат эсэсовец.

– Сейчас, сейчас. Один момент! За подкладку забился, собака, – приблизился к охраннику Павлик, изображая поиски документа.

А приблизившись, схватился обеими руками за автомат и в падении перебросил через себя охранника. Тут уж Путилин подоспел: тюкнул того по голове так, что она безжизненно свесилась набок.

Они вошли в блок. Прислушались. Из одной комнаты доносились голоса, в двух других – тишина.

Путилин открыл отмычкой дверь в пустую комнату. Они проскользнули в нее.

Из-за стены доносилось:

– Даю минуту! Не начнешь говорить – отрежу ухо! Для начала!

– Оберст, чего с ним чикаться? Сделай ему «майне кляйне розочку»!

– Не мешай! Смотри на часы! Время пошло!

Сергей показал Павлику, чтобы он встал за дверь, а сам с силой забарабанил по стене.

– Что это? – Раздалось из соседней комнаты.

– Зольдат, погляди, – приказал тот, кого называли Оберстом.

Щелкнул замок. Послышались шаги. И в дверном проеме показался эсэсовец с пистолетом в руке.

– Ты чего здесь делаешь, тварь? – Спросил он Путилина, наставляя на него оружие.

Отвечать Путилин не стал. Да и не требовалось, поскольку из-за двери на вражину напал Павлик.

Оставив Павлика разбираться с Зольдатом, Путилин бросился в соседнюю комнату.

– Всем оставаться на местах! – Рявкнул он с порога, держа свой «макаров» двумя руками, готовый послать «привет» из него в любого, кто ослушается.

Посреди комнаты привязанный к стулу сидел Лысенко, из рассеченной губы его сочилась кровь. Два эсэсовца стояли с разных сторон стула.

– Гэбэшники! Достукались! – С ужасом завизжал один из них, помельче.

– Опусти пушку, – сказал второй, покрупнее, должно быть, Оберст. – Давай спокойно поговорим!

– Лицом к стене! Не двигаться! – Приказал Путилин.

Эсэсовцы подчинились команде. Не сводя с них пистолета, Путилин приблизился к Лысенко. Вдруг Оберст схватил подручного и толкнул его в сторону Сергея, а сам выхватил «вальтер».

Сергей левой рукой отшвырнул хлипкого эсэсовца на пол и выстрелил в Оберста. Тот мешком повалился на пол.

Сергей подскочил к нему, наклонился над телом.

– Готов.

Воспользовавшись паузой, второй эсэсовец на четвереньках выскользнул из комнаты. Путилин бросился за ним и столкнулся с подоспевшим на помощь Павликом.

– Сделай его! – приказал Павлику.

А сам вернулся к Лысенко, ножом разрезал веревку.

– Извини. Немного опоздал.

– Мог и совсем опоздать!

Лысенко поднялся со стула, потер затекшие руки и ноги.

Появился Павлик:

– Он ушел, гад!

– Тьфу, ты! – Выругался Путилин. – Скоро они будут здесь! Собирайтесь!

– Вы идите! А мне надо расплатиться за праздник, – сказал Лысенко.

Путилин на секунду задумался.

– Ладно, – сказал он. – Пойдем вместе. Только переоденемся. Возьмешь форму у этого, – указал на распластанного Оберста. – А для меня в соседней комнате приготовлена.

Когда Путилин снимал форму с Зольдата, Павлик втащил за ноги убитого охранника. Принялся расстегивать на нем френч.

– Ты чего, Паша?

– Вот подобрал себе по росту!

– Ты с нами не пойдешь!

– Почему, Серж? – В глазах у Павлика появились слезы.

– Тебе будет особое задание!

Путилин подошел к столу, порылся в ящиках. И найдя бумагу и ручку, стал что-то писать.

– Передашь генералу Донскому. Лично! – Протянул Павлику записку. – И поторопись!

– Слушаюсь, командир!

– Действуй!

Сергей обнял его, подтолкнул к выходу.

Переодевшись в эсэсовское, Путилин и Лысенко преобразились. Вылитые арийские соколы. Фуражки с высокими тульями, лакированные сапоги, ладные мундиры, перетянутые портупелями, свастики, кресты, черепа... Любо смотреть тому, кто обуреваем идеями реваншизма.

Поглядев друг на друга, они щелкнули каблуками и пошли рядком по коридору. А пройдя его, снова попали в стихию карнавала.

И расступился карнавал перед ними.

И поднялись Карна и Жля.

Бросились в разные стороны Хаммурапи, Ликурги, Солоны.

Притихли моментально мимы, шпильманы и кельтские филы.

А двадцать два члена блистательного старческого Политбюро величественно прошествовали в уборную, на ходу расстегивая ширинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.